

4.4.96

Каледин Сергей

КАЛЕДИН любит, чтобы в конце повести была гора трупов. Уж один по ходу дела — обязательно. Даже в самой идилической — «Шабашке», которая не что иное как история любви идеального героя к идеальной женщине, и то узел повествования завязывается вокруг сорвавшегося с моста пьяного сварщика Егорыча. «Смирненное кладбище» заканчивается тем, что Воробей, после страшной разборки еле выживший в больнице, с дыркой в черепе, затаманной кожей, в остервенении и отчаянии наливает себе стакан водки — для него это верный конец. В «Стройбате» Фиша, умница, трудяга, закарпатский еврей и крестьянин-педа́нт, «кончает» во время страшной драки «губаря» — и это в ночь перед «дембелем». А утром приятель «сдаёт» его начальству. Ясно, что дальше будет с Фишей. Финал последней повести Каледина «Тахана Мерказит» — арабская террористка взрывает автобус, в котором едет герой.

Герои Каледина — пьянь, рвань, голь перекатная, необаятельные, костлявые уроды. Фиша («Стройбат»), правда, не из этой компании — но он еврей. Что в социальном раскладе все равно как увечье. Как заикание и близко посаженные глаза Бабкина («Поп и работник»). Как дырка в черепе у Воробья («Смирненное кладбище»). Васин из «Таханы Мерказит» тоже не этой убогой команды, но у него другой порок. Он — антисемит. Что, по Каледину, тоже «выбивает» его из рядов тихих, нормальных людей, которые вовсе не интересуют Каледина.

Каледин возник в отечественной словесности как живописатель родной «чернухи».

Общая газ. - 1996.
4 апр. - с. 10.

Н О М О С C R I B E N S

Титаны дна

В «Континенте» (№ 87) опубликована новая повесть Сергея Каледина «Тахана Мерказит»

Это он художественно «освоил» кладбище и стройбат, шарашку и церковный приход в глухой деревне, продемонстрировав читателю знание профессиональных тонкостей. Ну у кого, кроме как у Каледина, прочитаешь, как правильно выкопать могилу? Вслед за Горьким он явил нашему читателю родное дно, а западному — жутик «ля рюс» (кладбищенские собаки в могильных веночках на шеях, бегущие за героем по городу, — это почти медведи на улицах Москвы, только потоньше да с вывертом). Вероятно и поэтому его повести стали на Западе так же популярны, как некогда пьеса Горького.

Однако есть в героях Каледина нечто, что не позволяет назвать их жизнь пропащей и бессмысленной, а страшный их конец случайным.

Что же? Не вызывающая сомнения их внутренняя полноценность, нравственная состоятельность и самодостаточность. Это гордая рвань и упертое убожество со своими предста-

влениями о чести и долге. «Пропито все — кроме чести», — говорит Глеб в «Шабашке» (повесть самая слабая, но для нас интересная тем, что герой — бывший интеллигентный человек, а потому объясняющий читателю, что же это такое — калединский герой). Собственно, и сюжет каждой повести строится как цепочка «проверок на вшивость» — для каждого персонажа. Расколется или не расколется Воробей, что копал бесхозную могилу? Признается — уволят, а куда он, инвалид с дыркой в черепе? Не признается — других с работы выгонят («Смирненное кладбище»). Подпишет — не подпишет Юлик бумагу, что Егорыч сорвался с моста пьяный? Подпишет — шабашникам заплатят деньги за работу, но не дадут пенсию вдове. Не подпишут — вдове заплатят, а ребятам — нет («Шабашка»). Это крупные конфликты — но и они наспигованы ситуациями, требующими моментальной нравственной реакции. И как ни убоги, проспиртованы и дики любимые его герои — у них эта реакция безупречна.

И в этом смысле Каледин — один из самых нравственных писателей сегодня. У него всегда понятно — где добро, где зло, кто юродивый, почти святой, кто — подонок. Двусмысленных ситуаций, допускающих толкование, разные варианты поведения, у него просто нет. Вера Ивановна, церковный староста, скрывает сбежавшего из колонии Хромова («Поп и работник»), Костя Карамычев («Стройбат») выдает Фишу, Воробей признается в бесхозе («Смирненное кладбище»). Васин решает назвать будущего внука Наумом («Тахана Мерказит»).

Им, калединским героям, все по фигу и не важно ничто (благополучие, хорошая квартира и т.д.) — как не важны частности, поскольку они решают в своей жизни другую, требующую постоянных душевных усилий задачу. Другая, «непофигистская», женская модель поведения — верующая Вера (!) Ивановна. Там причины поступков иные, но поступки — те же. И при этом калединским героям — важно все. Интонация, взгляд, обращенный на них, цепочка мелочей, которые прямо или косвенно подтверждают или опровергают их достоинство. Они принципиальные бесребреники при всем том, что деньги, как и смерть, в поэтике Каледина играют одну из самых динамических и сюжетообразующих ролей. Стычки из-за денег происходят непременно — но лишь

тогда, когда герой понимает, что его дурят. Вот что для него оскорбительно. Тут-то он и заводится.

У калединских героев не желания — но страсти, не рефлексия — но гордыня, граничащая с самоуничтожением. Для них людская обычная любовь мала — они любят некрасивых, изломанных, сильных женщин.

Дикая их жизнь — это не дно, которого достигли они при падении. Но осознанный выбор, единственно возможная форма существования, ибо «чистое все, кроме грязного». А что есть грязное, герои Каледина знают сами. Они — титаны, вытесненные на социальную периферию более жидкокровными, более спокойными, более амбивалентными, менее совестливыми. Они — титаны, которые выбрали социальную периферию, потому что все остальное им не по росту. Нормальная жизнь для них — ненормальна и убога. Каледин здесь не оригинален: налицо народолюбивая традиция отечественной словесности, чужающаяся буржуазного благополучного героя.

Впрочем, один раз Каледин нам такого героя вывел — Лева Цыпин в семейной хронике «Коридор» (казалось бы, так не похожий на все написанное им). И как же убог, несостоятелен благополучно женившийся Лева, служащий в какой-то конторе, презираемый женой и детьми, жизнь которого ушла на страх перед жизнью. У Глеба позади карьера, именитый тесть, видимо, любовь, какие-то научные открытия. Но ему не жалко той жизни и обратно в нее не хочется. И даже волнение творчества — которое всегда в сознании интеллигенции было безусловной и самодостаточной ценностью — для него так, было и было («Шабашка»). Воробей же («Смирненное кладбище»), два года не пьющий, какую-то деньги поднакопивший и даже размышляющий, а не купит ли дачу для жены и ребенка (алкоголички Вальки и дефективного Витьки), после «разборки» с «бесхозом» и увольнения «завязывает» с правильной жизнью, наливает себе водки и — раньше это называлось «кончает жизнь самоубийством». У героев Каледина другая леника — косноязычная, но тоже двух толкований не допускающая.

В «Шабашке» Глеб говорит, что, на его взгляд, есть три дела, социально оправданных, — врач, поп и учитель. И сам, кстати, собирается пойти в учителя. Попа Каледин нам показал в «Смирненном кладбище» — оп-

ровергнув свое первое утверждение. Но зато как хороша Вера Ивановна, старости! Вообще самые светлые образы у Каледина — это старухи (Липа, Маруся в «Коридоре»). И как же жалки у него старики — Жоржики и Егорычи, доживающие под присмотром своих старух до старости. Незадействованным пока в прозе Каледина остался врач. Но вполне можно представить, что следующая его повесть будет про морг с главным героем — пьющим патологоанатомом.

Бичи Каледина — не романтические бандиты и люди дна Юрия Милославского, заранее оправданные своей страшной красотой и обаянием. И не чудики Шукшина — поскольку не маются своей маргинальностью и неписанностью, а целеустремленно выбирают ее для себя. Смерть, о непереносимом присутствии которой в прозе Каледина мы говорили, обязательно входит в условия такого существования. Лосев в своей «Эстетике Возрождения» размышлял о том, почему у Шекспира в конце каждой трагедии гора трупов. Герои Шекспира, говорит он, слишком полноценны. Им, титанам и гигантам, тесно вместе в таком крохотном пространстве, как жизнь. Приблизительно то же самое происходит и в повестях Каледина — только у него еще очень однозначные нравственные оценки и наглядное противостояние добра и зла. Именно поэтому — несмотря на то что часто герой погибает или должен погибнуть — все равно остается ощущение светлой и жизнеутверждающей прозы. Оказывается, читателю все-таки важнее не жизнь героя, но определенность нравственных критериев.

Каледин открыл свою Иконопатофу там, где Милославский испытал сладкий ужас, Шукшин — боль и горечь, а Гроссман — смертную скуку. В рассказе «На вечном покое» (кстати, о том же Ваганьковском кладбище) Гроссман вглядывается в повседневную, некрасивую жизнь, в некрасивых людей и в некрасивые их вещи, передает убогий их разговор: «Что ты ел вчера вечером? Да ничего такого не ел... — Ты ночью испортил воздух...» и восклицает — он, написавший о чуде жизни самые пронзительные строки в XX веке! — «может быть, лучше смерть, чем вечная скука».

Вот на этом зияющем Олимпе «вечной скуки» Каледин и поселяет своих юродивых титанов. Как и положено титанам, закиленным на чести и знающим об единственном пути разрешить конфликт — и путь этот лежит через смерть.

На этом плацдарме «вечной скуки» он строит свой художественный мир — с безумием, страстями, поисками Бога и нравственной жизни, с любовью и ненавистью, с четкими нравственными законами и неписаными правилами.

Занятно еще то, что герои Каледина — могильщики, сторожа, шабашники — очень хорошо работают. Это ведь тоже дело чести.

Екатерина ДАНИЛОВА

Максим Кантор. «Бей его!»